

Билет в один конец, или Что было за 50 лет до эмиграции Бродского

✍ ВЛАДИСЛАВ ВОВК /vladislav.vovk@spbndevnik.ru/ 📷 РОМАН ПИМЕНОВ

Сто лет назад от набережной Лейтенанта Шмидта отчалил знаменитый «философский пароход», на котором большевистская власть безвозвратно высылала за рубеж, в Германию, достояние собственной страны – интеллектуальную элиту.

БОРЬБА в Советской России с инакомыслием и свободомыслием началась практически сразу после Октябрьского переворота.

ПРИ ЧЕМ ТУТ НЭП

Сначала новые правители поспешили избавиться от всех своих недавних политических союзников по борьбе с самодержавием. А после их вытеснения из социальной жизни и ликвидации партий настал уже черед профессуры и других представителей творческих и интеллектуальных кругов, которые к началу 20-х годов позволяли себе не слишком скрывать свое критическое отношение к происходящему в стране.

«В определенной степени некоему вольнодумству в это время способствовало и проведение новой экономической политики (НЭП), – отмечает заместитель директора Санкт-Петербургского института истории РАН Юлия Кантор. –

Например, возобновление предпринимательства привело к возникновению большого количества частных театров и издательств, различных творческих сообществ. А это большевикам было уже совсем не нужно».

ДВА ВАРИАНТА НА ВЫБОР

В 1922 году Государственное политическое управление начало активно собирать сведения об инакомыслящих: велись негласные опросы в учреждениях, изучались выходящие в свет книги и публикации в газетах. А летом того же года работа перешла в открытую фазу.

«Весь процесс по высылке можно условно разбить на два этапа, – отмечает член-кор-

респондент РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета Василий Христофоров. – Вначале подверглись арестам и административной ссылке участники II всероссийского съезда врачей. Эта акция проходила в конце июня 1922 года. А основная операция проводилась с 16 по 18 августа, когда было арестовано около 100 человек, в основном в Москве и в Петрограде. Эти люди сразу же попали под жесткий психологический прессинг. Им говорили, что либо они подписывают добровольное согласие на отъезд из страны, и их тогда буквально завтра же выпускают, либо продолжают сидеть, пока не придумают, что с ними делать».

Разумеется, арестованные выбрали первый вариант.

ПОТЕРЯ ЭЛИТЫ

Всего за границей оказалось около сотни

“*Когда из почвы что-то выкорчевывается, то она тоже страдает, беднеет. Кроме того, оказалась расколотой и русская философская мысль. И ее разрозненные части потом не пересекались.*

ЮЛИЯ КАНТОР, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

человек, не считая членов их семей. Большая ли это потеря для страны?

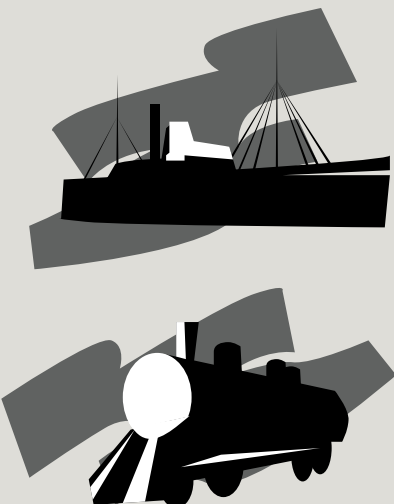
«Конечно! Если посмотрим на список, то увидим там такие фамилии, как Питирим Сорокин, Николай Лосский, Николай Бердяев, Лев Карсавин, Сергей Трубецкой, – отмечает Василий Христофоров. – Это действительно элита, в которой, я уверен, так нуждалась Советская Россия».

Самим же вынужденным эмигрантам тоже пришлось несладко, ведь им нужно было начинать

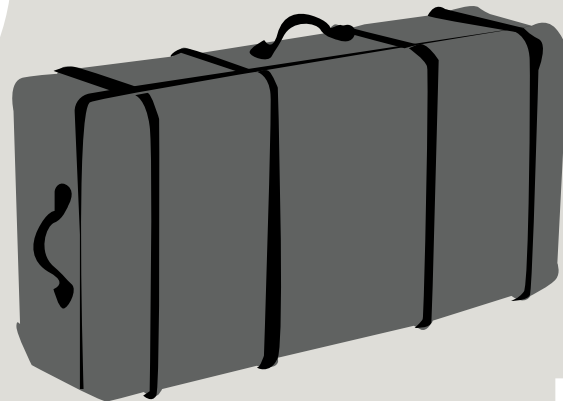
практически в одночасье заново и на чужбине, где они навсегда остались пришлыми.

Сейчас на набережной Лейтенанта Шмидта, на том месте, откуда в 1922 году отправлялись пароходы, установлен памятный знак. И примечательно, что находится он практически напротив стелы, красующейся на противоположном берегу и отмечающей стоянку «Авроры», откуда она дала свой роковой «революционный» залп.

Были еще и «философские поезда» – в Прибалтику. Хотя власти использовали этот вариант не слишком активно. Наверное, не хотели привлекать к изгнанникам внимание остальных пассажиров, ведь это были обычные рейсовые поездки.

В ценах того времени каждый эмигрант мог обойтись советской казне в 200 миллионов рублей (речь про оплату виз и билетов).

Мужчинам разрешалось брать с собой по две пары носков, кальсон и обуви, по одной паре брюк, а также по одному пиджаку, пальто и костюму. И одной шляпе. Категорически запрещалось брать драгоценности, украшения, ценные бумаги и деньги.

Всего за границей оказалось около 80 человек, не считая членов их семей. Всего около 300 человек.